

ПРАВОСЛАВИЕ. Доклад митрополита Волоколамского Илариона на открытии «Дней православной книги»

Вечером 17 февраля 2012 года в Париже состоялось открытие первых Дней православной книги. На торжественной церемонии открытия председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион выступил с докладом, в котором рассказал об основных особенностях вероучения и литургической жизни Православной Церкви. Текст выступления приводится ниже без сокращений.

И Евхаристия, как вечный полдень, длится —
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех Божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится...

О. Мандельштам

Сердечно приветствую всех, собравшихся сегодня на открытие «Дней православной книги». Это первое событие подобного рода, состоявшееся благодаря усилиям издательства Cerf, делающего очень многое для того, чтобы православие, его культура и духовность, стали доступны французской публике.

Сегодня разговор о христианстве, будь-то православном, католическом или протестантском, сводится к разговору о христианах — «современность слишком поглощена человеком и человеческим», чтобы судить о христианской вере по проповедуемой ею истине, по ее учению и заветам. Однако учение Церкви Христовой не раскрывается в полной мере в жизни христиан. Происходит это потому, что в сердцах и головах многих верующих главное место занимает не Христос, не жизнь Им и с Ним (что, собственно, и составляет истину Церкви), а что-то другое, околицерковное: национальная самоидентификация, богатые и разнообразные исторические, эстетические, социокультурные и прочие традиции своей Церкви и т.п.

Такие традиции или особенности поместного христианства стали появляться практически сразу по его возникновению, задолго до печального разделения 1054 года на Западную и Восточную Церковь. В древней Церкви не существовало административного единства между местными

Церквами: не было центральной власти, которая могла бы юстировать появлявшиеся отличия. Конечно, особенности каждой Церкви препятствовали однообразию и в формах богослужения, и в других сторонах церковного быта, но по существу никак не обуславливали истину, не уклонялись от нее и не служили фактором ее сохранения. Эти традиции, бесспорно, во многом прекрасны и даже необходимы, но если они превращаются в нечто самоценное, в идеологию, то из христианства уходит жизнь, оно становится этнографическим музеем.

Традиции должны быть тем, что помогает человеку жить во Христе и со Христом «здесь и сейчас». А если они не приводят нас к подлинной, осуществляемой именно в нашем времени и положении, евангельской жизни, то получается огромный разрыв между учением Церкви и повседневным существованием христиан. И это — важнейшая проблема сегодняшней церковной действительности.

Путь решения этой проблемы один — необходимо понять, что такое христианство не только лишь извне, на примере жизни других христиан, а и изнутри, на примере собственной жизни. Ибо одно дело — знать о православии, и другое — знать православие. Об этом пути и хотелось бы сказать, представляя сегодня французский перевод моей книги «Православие», посвященного истории, вероучению и литургической жизни Православной Церкви во всем ее многообразии.

Основная идея этой книги заключается в том, чтобы показать православное христианство как цельную, согласованную богословскую, литургическую и мировоззренческую систему, в которой основные вопросы бытия нашли свое осмысление. В этой системе все элементы взаимосвязаны: богословие основано на литургическом опыте, из литургии и богословия вытекают основные характеристики церковного искусства, включая икону, пение, храмовую архитектуру. Богослужение и богословие влияют на аскетическую практику, на личное благочестие каждого отдельного христианина. Они влияют на формирование нравственного и социального учения Церкви, на ее позицию по отношению к другим христианским конфессиям, к иным религиям, к секулярному миру.

Что же такое православие, и каковы его основные черты?

Православие представляет собой конфессию традиционную и даже консервативную (этот термин мы употребляем в положительном смысле, подчеркивая бережное отношение православия к церковному Преданию). Однажды Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (1944–1970) попросили дать наиболее краткое определение православия. Он без замешательства ответил: «Православие — это литургия». Каким бы редуцированным ни казалось данное определение, оно действительно позволяет уловить самую суть православного мирозерцания, обнимающего собой веру, жизнь по этой вере и молитву.

Согласно «Повести временных лет», наши предки избрали православие своей верой, пораженные неземной красотой православного богослужения. Вернувшись в Киев, русские послы рассказывали князю Владимиру о Божественной литургии, на которой они присутствовали в Константинополе: «Ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе ли или на земле мы были: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми... Не можем мы забыть красоты той».

В период атеистического засилья в России, когда любая публичная проповедь веры, любая катехизация были невозможны, для многих наших соотечественников вратами в духовную сокровищницу Православной Церкви снова стала именно литургия. В этот трагический для нашей Церкви период богослужение было, таким образом, единственной возможной формой миссии.

И на Западе знакомство с православием происходит, как правило, именно через литургию. Протопресвитер Иоанн Мейендорф отмечал: «Очень многие... на Западе... начинают понимать православие именно через литургическую традицию не только христианского Востока, но и древнего христианского Запада. В православном богослужении они находят и связь с апостольской верой первых веков христианства, и опыт грядущего Царствия Божия. Именно поэтому нам, православным, надо хранить богослужение не только как необходимую связь с прошлым, но и как живое свидетельство о вере. Это требует как хорошего знания его истории, так и богословского духовного опыта того, что составляет ядро именно церковной молитвы, в которой прошлое, настоящее и будущее объединяются в жизни Тела Христова».

Итак, именно молитва (богослужение) лежит в центре православного внимания. Неслучайно восточное христианство уже в самом своем названии содержит указание на это — не «правоверие» или «правомыслие», а именно «православие» — правильное славение или прославление Бога.

В течение всей истории православного христианства вера была неотделима от молитвы и богослужения, а богослужение выражало веру Церкви. Вспомнить хотя бы «Символ веры», читаемый в храме за Божественной литургией всей церковью перед важнейшей ее частью — Евхаристическим канонем. Эту неотделимость *lex orandi* от *lex credendi* (правила молитвы от правила веры) знало и древнее монашество. Один из восточных отцов христианской Церкви авва Евагрий так и пишет: «Богослов тот, кто умеет молиться, и кто научился молитве — тот богослов». Именно в этом и заключается секрет жизнестойкости православного христианства.

Сторонние наблюдатели иной раз попрекают православие в том, что оно крайне слабо, ограничено, недостаточно активно и лишь частично реализовано в мире. Однако сами

православные, хотя и соглашаясь с такими наблюдениями, указывают на их поверхностный характер и делают из них совершенно противоположные выводы. Так, например, православный француз архимандрит Лев (Жилле) пишет: «О, странная Православная Церковь, столь бедная и столь слабая... чудом прошедшая сквозь все множество превратностей и тягот; Церковь противоположностей, столь традиционная и в то же время такая свободная, столь архаичная и, однако, живая, столь обрядовая и вместе с тем так глубоко личностно-мистическая; Церковь, где так бережно хранится бесценная евангельская жемчужина... Церковь, о которой так часто говорили, что она не способна к действию, и которая, тем не менее, как никакая другая, умеет воспеть пасхальную радость!». Ему вторит и русский богослов, эмигрант В. Н. Лосский: «Разве многие узнали Сына Божия в “муже скорбей”? Нужно иметь очи, чтобы видеть, и чувства, раскрытые навстречу Духу Святому, чтобы узнавать полноту там, где внешнее око видит одну ограниченность и недостаточность... Чтобы суметь распознать победу под видимостью поражения, силу Божию, в немощи совершающуюся, истинную Церковь в исторической реальности, нужно, по слову апостола Павла, принять “не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога” (1 Кор. 2:12)». Русский философ Н. А. Бердяев объясняет, что православие потому внешне «есть наименее нормативная форма христианства (в смысле нормативно-рациональной логики и морального юридикзма)», что его сущность во внутреннем духовном делании: «Эта духовность и сокровенность православия нередко бывали источником его внешней слабости... духовная же его жизнь и духовные его сокровища оставались сокровенными и незримыми». Современный богослов митрополит Диоклийский Каллист (Уэр) добавляет к этому, исходя из собственного опыта обращения в православие, что «невзирая на внешние и видимые недостатки православия, я верил в “невидимое” (2 Кор. 4:18) — в его принципиальное единство и целостность вероучительного, литургического и духовного Предания».

Православие есть, прежде всего, не доктрина, не внешняя организация, не внешняя форма поведения, а духовная жизнь, духовный опыт и духовный путь, зиждущийся на молитве. Его нельзя узнать и понять по богословским трактатам, оно постигается в жизни Церкви, в богослужении и менее всего оно проявляется в понятии. Вот основная причина, почему трудно извне судить о православии. Эта неразрывность церковной веры и церковного богослужения предполагает правильное ощущение самой Церкви, достоверный церковный опыт. И путь постижения православия через богослужение есть самый близкий и надежный, ибо сердце православия здесь, в богослужении. «Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя — имя святое Его!» (Пс. 102:1) и «всякое дыхание да хвалит Господа!» (Пс.150:6) — эти две мысли псалмопевца воплощаются в православии в наиболее полном виде.

Ученик апостола и евангелиста Иоанна Богослова, третий епископ Антиохии священномученик Игнатий Богоносец указывает, что Церковь только тогда становится сама собой, когда совершает таинство вечери Господней «доколе Он придет» (1 Кор. 11:26), так как Церковь — это прежде

всего евхаристический организм.

Евхаристия являет собой и наивысшую форму богословия. Именно в Евхаристии богословие оживает и становится тем, чем оно должно быть: таинством молитвы, таинством соборным, хвалой и благодарением.

Евхаристия — это абсолютный дар Бога человеку, с которым не может сравниться никакой иной дар. В Евхаристии христианин получает Тело и Кровь Христа, Сына Божия, взявшего на Себя грехи мира, умершего за род человеческий и воскресшего в третий день, чтобы открыть возможность каждому верующему в Него достичь обожения и по благодати соединиться со своим Творцом и Спасителем. И единственным подлинным ответом на этот божественный Дар, ответом, который от нас ожидает Бог, оказывается благодарение, то есть собственно сама Евхаристия. Благодарение рождается из осознания собственной духовной нищеты, когда человек понимает, что все окружающее его и он сам — творение Бога, что никто из людей не может присвоить себе хотя бы малую частичку этого мира, потому что все создано одним лишь Богом. Только так — осознав предельную духовную нищету — человек может увидеть за данностью мира дар Божий и возблагодарить за него Творца. Только через благодарение мы вступаем в подлинное общение с тварным миром и с Самим Богом.

Вот почему чинопоследование Евхаристии есть высочайшее богословие. Из благодарения рождается и первая форма выражения богословских истин — гимн, или хвалебная песнь. Характерно, что те три выдающихся человека, которые в Церкви получили имя богословов, — апостол Иоанн Богослов, святитель Григорий Богослов и преподобный Симеон Новый Богослов — облекали свое богословие в возвышенные слова и гимны. Так, например, преподобный Симеон Новый Богослов в своих «Гимнах» восклицает, дивясь величию таинства: «Через Причастие плоти Твоей меня, человека по природе, Ты соделал богом по усыновлению и по благодати Твоей». Таким образом, перефразируя Святейшего Патриарха Алексия I, можно сформулировать, что православие — это Евхаристия. Оно, прежде всего, евхаристично. Оно научает христиан и развивает их не столько проповедями и нравственными нормами поведения, сколько самим литургическим действием, в котором дан прообраз преображения жизни. «Мистерия православного богослужения в своей величественности и красоте говорит непосредственно уму, чувству и воображению присутствующих», — указывает протоиерей Сергей Булгаков.

Итак, важнейший аспект богословия, связанный с Евхаристией, — это смиренное приятие Дара и благодарение за Дар: хвала и гимн. Можно без преувеличения сказать, что гимнографическое наследие Церкви по своей сути является богословием.

Только из такого понимания православия вытекает объяснение всех его особенностей и

традиций, отличающих его от других христианских Церквей. Отметим лишь несколько из них.

Во-первых, это внешняя, обрядовая сторона богослужения. Она складывалась постепенно, исторически. Отчасти монашество стало наставником исторического православия. В древних монастырях Египта, Палестины, Сирии, Константинополя сложился весь строй православной духовной жизни. «Типикон», или иначе — богослужебный Устав, представляет собой на деле не только устав богослужения, но и устав монастырской жизни. Он ставит как бы знаки равенства между понятиями: богослужение — жизнь в Боге — жизнь иноческая. Оттого, на первый взгляд, православие отличается монастырской суровостью, строгостью требований.

Во-вторых, догматы в православии не были подвластны обязательным интеллектуальным богословским учениям. Вследствие живого непосредственного общения с Богом в молитве, они понимались прежде всего как факты мистические. И задача православного догматического богословия остается неизменной: приблизить нас к великим и сокровенным истинам веры, уяснить их нам и дать полную, стройную и правильную систему христианского учения. Православию чужда идея «развития догматов», оно не знает «закона догматического развития», но вместе с тем в богословском и философском истолковании самих догматов православие более свободно, чем западное христианство.

«Подлинное православное богословствование есть богословствование духовно-опытное, — пишет Н. А. Бердяев. — Православию чужд рационализм и юридизм, чужд и всякий норматизм». Только опытным путем, через молитву православие предлагает каждому постичь Бога, стяжать благодать, которая есть действие Бога на тварный мир, т.е. присутствие в мире Духа Святаго. В этом еще одна своеобразная черта православия: именно в православии наиболее раскрывается учение о Духе Святом. Оно понимает задачу жизни, как «стяжание Духа Святаго», как духовное преобразование твари. Это учение подробно раскрыто русским святым преподобным Серафимом Саровским.

Еще одна литургическая особенность православия: ему скорее ближе коллективизм, чем индивидуализм. Каждый живет не в отдельности, а в теле Христовом, в едином духовном организме. И вместе с тем, Православной Церкви чужда авторитарность, которая порой свойственна неправославным социумам. Православная Церковь это скорее благодатное единство любви и свободы, потому что любая авторитарность порождает разрыв между религиозным коллективом и религиозной личностью, между Церковью и ее членом. «В православном понимании Церкви, — пишет протопресвитер Иоанн Мейендорф, — вера сохраняется не только через апостольское преемство епископата, но и всем народом Божиим. Соборность Церкви выражается не только в Соборах — Вселенских и Поместных, — но также и в их принятии и усвоении всем народом Божиим». Непогрешимость авторитета признавалась лишь за церковным целым, на

протяжении всей ее истории, и носителем и хранителем этого авторитета являлась вся Церковь, весь церковный народ. Вселенские Соборы обладали непререкаемым авторитетом не потому, что они соответствовали внешним юридическим признакам легальности, а потому, что церковный народ, вся Церковь признала их Вселенскими и подлинными. То же можно сказать и о православном богослужении: оно не есть дело одного лишь духовенства, оно творится и питается благочестием всего собрания. Например, Евхаристия построена на принципе соотносительности, т.е. зависимости друг от друга служений предстоятеля и народа. Еще точнее эту связь можно определить как сослужение. Все раннехристианские памятники свидетельствуют, что «собрание» всегда считалось первым и основным актом Евхаристии. На это указывает и древнейшее литургическое наименование совершителя Евхаристии — предстоятель. Его первая функция и состоит в возглавлении собрания, т.е. в том, чтобы быть «предстоятелем братии». Собрание, таким образом, есть первый литургический акт Евхаристии, ее основа и начало.

Таким образом, православие видит в Церкви прежде всего не организацию и учреждение, не просто общество верующих, а религиозный духовный организм, мистическое Тело Христово.

Другими литургическими особенностями православия являются и его эсхатологичность, и его стремление к обожению человека и всего тварного мира. Первую особенность можно пояснить тем, что Евхаристия есть центр всей церковной жизни и всего богослужения, а поэтому евхаристическое действие придает смысл и церковному культу в целом. Богослужение неотрывно от прошлого, настоящего и будущего (эсхатологического) бытия церковного общества: «настоящий момент в жизни Церкви связывает нас со всеми “от века благоугодившими” Богу и питает нас опытом радости и победы, которые от века предуготованы для избранных, но также возможны здесь и сейчас» — отмечает протопресвитер Иоанн Мейендорф.

Другая особенность — обожение — основная цель Евхаристии, которая ярко отражается во всей восточной патристике. Восточные отцы понимали под этим преображение и просветление всей твари, а не ее суд и оправдание. Истинное вочеловечение Бога завершается в Его воскресении, поэтому православие обращено к тайне Воскресения как вершине и последней цели христианства: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» (1 Кор. 15:51). Вследствие чего центральным праздником в жизни Православной Церкви является праздник Светлого Христова Воскресения. В православной литургии праздник Пасхи имеет гораздо большее значение, чем в западном христианстве, где главным праздником года стало Рождество Христово.

Православная мысль никогда не была подавлена идеей божественной справедливости, она никогда не забывала идеи божественной любви, для нее всегда Божественная благодать превалирует над Законом. Некоторые восточные учителя Церкви верили в возможность апокатастасиса — всеобщего спасения и воскресения (именно возможность, а не принудительную

необходимость). Не случайно интерес к этой идее возродился и в православной религиозной мысли XX столетия (Булгаков, Бердяев, Лосский), ведь обожение (или спасение) в православии понимается не индивидуально, а соборно, вместе со всем миром.

Протоиерей Сергей Булгаков как-то заметил, что «каждой из исторических ветвей Вселенского христианства дан свой особый дар, преимущественно ее выделяющий: католичеству — организаторский дар власти и организации, протестантизму — этический дар честности житейской и интеллектуальной, православным же... — дано видение умной красоты духовного мира». Православие устремлено к Царству Божьему («Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6:33)), которое должно явиться не в результате последствий исторической эволюции, а в результате таинственного преображения мира. Не эволюция, а преображение характерно для православия.

Есть в Древнем патерике притча: «Один брат спросил старца: “Какое бы мне делать доброе дело и жить с ним?” Авва отвечал ему: “Не все ли дела равны: Авраам был страннолюбив — и Бог был с ним; Илия любил безмолвие — и Бог был с ним; Давид был кроток — и Бог был с ним. Итак, смотри: чего желает по Богу душа твоя, то делай и блюди сердце твое». Дела христианской веры разные, но Бог, к общению с Которым они ведут, Один.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/54516/>